

УДК 316.6

*Л.Е. Тарасова***СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БЛАГОПОЛУЧИИ В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ¹**

В статье анализируются представления о благополучии и счастье представителей разных цивилизаций с точки зрения отражения этого феномена в связи с культурными особенностями и образом жизни; подчеркивается невозможность сведения содержания этих феноменов к измерению формального «благополучия» экономическим показателям развития общества; отмечается, что системы ценностей, определяющие поведение человека, во многом совпадают у жителей античной и индустриальной цивилизаций. Цель статьи – продемонстрировать, что представления о благополучии и счастье как высшем выражении степени переживаемого благополучия в субъективной оценке личности, – это базовая черта мировоззрения человека, включенная в смысложизненную систему ценностей как современного человека, так и человека, жившего несколько тысячелетий назад.

Ключевые слова: цивилизация, социальные представления, благополучие, счастье, артефакты духовной культуры.

Введение

В русле царящего в мировой исторической науке цивилизационного подхода развитие человечества трактуется как непрерывная смена цивилизаций. Современную цивилизацию отделяет от древности более чем четырехтысячный период истории, во время которого неоднократно возникали, исчезали и сменяли друг друга социально-политические и религиозные системы, происходили существенные изменения во всех сферах человеческой жизни. Этническая сущность каждого народа, его духовный опыт, национальные традиции складываются в течение многовековой истории и представляют собой уникальные локальные цивилизации, между которыми не только возможен, но и жизненно необходим диалог культур. Элементы образа мира каждого народа носят общечеловеческий характер, но их осмысление и оценка очень специфичны, поэтому только при сравнении традиционных этнических культур можно воссоздать наиболее полную картину многообразия общемировой цивилизации.

Объект и методы исследования

Объектом нашего исследования были избраны представления о благополучии и счастье у людей, разделенных тысячелетиями. В исследовании применены герменевтический подход и метод сравнительного анализа социальных представлений, актуализированных в конкретных формах самосознания конкретного народа как человеческой общности: таких, как мифы, сказки, пословицы и др.

Одна из форм освоения социального окружения, как материального, так и идеального – социальные представления, которые могут быть адекватно поняты только в контексте определенной культуры, поскольку они представляют собой социально выработанное и разделяемое с другими людьми знание. Представления как системы отчета позволяют нам интерпретировать социальные знания. Понятие «социальное представление» лежит на границе между психологическим и социальным полями. С точки зрения С. Московичи, содержание ядра социальных представлений обусловлено историческими, социальными и идеологическими условиями существования народа или группы. История зафиксировала немало фактов столкновения социальных моделей поведения, этноменталитетов, систем оценок, ценностных ориентаций. Но существует и нечто архетипичное, объединяющее все культуры, все цивилизации. Когда концепт «социальные представления» употребляется в психологических дисциплинах, то ученые имеют в виду представления о чем-то или ком-то.

У каждой цивилизации есть своеобразное духовное пространство, то есть менталитет: устойчивые структуры сознания и подсознания, определяющие стремления и предпочтения, в которых проявляются национальный характер, господствующие ценности, общественная психология. «Ядро» структуры менталитета – система ценностей, в которых отражены социально признанные данным обществом и/или социальной группой критерии поведения и морали. Усвоение этих критериев отдельным человеком (интернализация ценностей) составляет необходимую основу формирования

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Структура и предикторы благополучия личности: этнопсихологический анализ» (14-06-00250).

личности и поддержания социального порядка в обществе. Любое общество в конкретный исторический период характеризуется определенным набором и иерархией ценностей в качестве способа социальной регуляции. Ценности, характерные для конкретного периода той или иной культуры, лежат в основе представления людей о благополучии, счастье; соответственно этому пониманию люди выстраивают свою жизненную стратегию. У каждого народа свой менталитет, а, значит, и свои ценности. Есть цивилизации с похожим образом мыслей, даже если их и разделяют тысячелетия.

Результаты и их обсуждение

Особое место в мировой истории и культуре по праву занимает первая европейская цивилизация: античный греко-римский мир Средиземноморья. Во всех сферах современной жизни в разных уголках планеты народы разных стран используют неопределимое наследие эллинов: ведь именно в Древней Греции впервые в мире возникли наука, философия, театр; впервые появилось понятие демократии; сложилась система мифологии, жили и творили гениальные представители литературы, искусства, культуры. Оценивая концепт «благополучие» как универсальный, мы обратились к мыслителям Древней Греции и Рима, поскольку именно их идеи в огромной степени повлияли на современное понимание терминов «благополучие» и «счастье». Быть счастливым – одно из самых сокровенных желаний человека любой национальности. Эта этическая категория имеет мировоззренческий характер и представляет собой безусловную жизненную ценность, более того – сверхценность.

В архаический период у эллинов сложилось и представление о недостижимом идеале благополучия и счастья, навеянном мифологическими образами жизни богов там, где нет ни ветров, ни зимы [1], где боги не знают ни горя, ни трудов, ни болезней, ни мук, – как сказано об этом у Гесиода [2] и Пиндара [3]. Такова жизнь и на островах блаженных, где обитают герои, и такой она была у людей в давно прошедшем Золотом веке. Но основная масса греков не питала надежды попасть в мир богов, эллины были ориентированы на земную жизнь, где свирепствовали штормы, частыми были извержения вулканов и наводнения, а «скудные» земли не давали богатого урожая. Древние греки, демонстрируя свою силу перед природой, выражали надежду справиться с ее вызовами и жителями Олимпа.

Повседневные граждане эллинских полисов активно боролись за свои права, защищали родину от полчищ персов и своеобразным образом торговались с оракулами, выпрашивая у них возможно более благоприятные предсказания. Что действительно вызывало у них суеверный страх, так это нарушение определенного равновесия между счастьем и несчастьем в жизни людей: постоянное везение может привести к трагическому концу. Блаженная жизнь в покое не определяла нормы существования греков, так же, как и вера в неизбежность Судьбы. Греки верили в предопределенность судьбы и для людей, и для богов, хотя последние могли ее избежать. В то же время эллины верили, что боги могут вмешиваться в жизнь человека – и не всегда с добрыми намерениями. Греки считали своих богов ревнивыми и завистливыми; такие боги не любили выдающихся и удачливых людей, они наказывали тех, кто отличался высокомерием. Если мифы большинства народов – это мифы прежде всего о богах, то для Древней Греции они – исключение: в большей и лучшей части их рассказывается не о богах, а о героях. Герои – это сыновья, внуки и правнуки богов от смертных женщин, т.е. наполовину люди; они совершали подвиги, очищали землю от чудовищ, наказывали злодеев, боролись за счастье, выходили победителями из любых схваток, стремились к благополучию и покою. В образе героев греки описывали человека, для них идеального, показывающего пример достойной жизни.

Представления о благополучии и счастье в различные исторические эпохи и в разных этических системах менялось. В древнегреческой этике еще до нашей эры Аристипп основал философию гедонизма, в которой цель человеческой жизни представлялась как достижение счастья – переживания удовольствия, наслаждения.

К гедонизму примыкает и направление эвдемонизма, который главной жизненной целью человека провозглашает стремление к счастью и рассматривает его как систему жизни, в которой совокупность удовольствий перевешивает страдания. Именно в достижении счастливой жизни эвдемонизм видит абсолютное благо, а всё остальное считает лишь средством для ее достижения. Во времена Аристотеля синонимом счастья считалась *благодетель*: делая хорошо другим, ты делаешь хорошо себе. В самом общем виде эвдемонизм сводился к утверждению, что наивысшее счастье заключается в познании Бога и возможности узреть его в грядущей жизни.

Цели жизни древнего эллина – успех, благополучие семьи и Родины, гармония с самим собой и окружающим миром. Разве не к этому же стремятся и в современном мире жители гигантской индустриальной цивилизации?

стриальной цивилизации? Можно найти немало сходства в менталитете нашего современника и древнего эллина: стремление к свободе, известности и славе, состязательность – качества, определяющие успех во времена Софокла, Гомера и – в наше время.

Идеалом счастливой жизни эллинов, которая не должна была вызывать зависти богов, являлись семья, определенная собственность, служба родному полису, легкая смерть и общественные почести.

В обыденной жизни рядовые граждане также ценили прежде всего семью и благосостояние. Эта концепция была «мужской» по существу: для любви в ней не было места. Они не относили любовь к счастью. Брачный союз в Греции определялся социальным положением, богатством, потребностями в рабочих руках; для эмоций здесь вроде бы не было места. Тем не менее, глубокие чувства между супругами могли существовать, хотя они и не декларировались. Для греческих женщин любовь представлялась счастьем более важным, чем богатство. В одном фрагменте комедии IV в. до н. э. дочь старается убедить своего отца, чтобы тот не заставлял ее бросить мужа и выйти замуж за другого, более состоятельного. Она говорит, что нынешний муж для нее – это всё, чего она желает. С ее точки зрения, будет несправедливо, если она не разделит с ним любую участь, включая бедность. При всех тяготах брака замужество было для женщины-гражданки основной ценностью, а жизнь с нелюбимым мужем расценивалась как несчастье.

Для основной массы демоса, ненавидевшего образ жизни аристократии, был характерен идеал счастья отдельного человека, приближенный к реальной жизни. Основой этого идеала был принцип, который можно передать греческой поговоркой «Ничего слишком». Эпикур считал, что человек должен быть свободен от внешних привязанностей, и ограничивал удовольствия лишь удовольствиями от самого необходимого для жизни, то есть от простой пищи, простого жилища и т. д. Демокрит выделил тип восприятия счастья и несчастья: «Благодару тот, кто не печалится о том, чего он не имеет, но радуется тому, что имеет». Стратегия такого типа счастья ориентирована не на то, чего нет, но что хотелось бы иметь, а на то, что есть и чем уже реально обладаешь. По принципу: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе» – живут представители «оборонительной» стратегии счастья. Ещё древнегреческие мыслители полагали, что удовлетворение духовных и материальных потребностей имеет свою специфику: быстрое насыщение тела приводит к пресыщению, а душа ненасытна, вечно голодна.

Для сравнения рассмотрим представления китайцев о счастье, бытовавшем тысячи лет назад. Там фигурируют пять компонентов: долголетие, богатство, здоровье, нравственность и естественная смерть. Позднее они стали считать за счастье «долголетие, богатство и знатность», говорили также: «самое большое счастье у того, кому удалось избежать несчастья». В литературных произведениях русских писателей можно заметить, что представления о благополучии и счастье немногим отличаются от таковых у древних греков и китайцев. Национальное самосознание русского народа тоже не видело идеала ни в богатстве, ни в бедности и крайней аскезе. Отношение к ним в сознании русской личности было довольно противоречивым. Православная идеология формирует новый идеал материального благополучия: праведно нажитый достаток [4]. Русская православная этика никогда не отрицала достаток, но отводила ему подчиненную роль, ставила личное обогащение на второй план. Личное благополучие не отрицается, аскетизм не возводится в ранг идеала, но личное благополучие отдельного лица рассматривается как второстепенное, производное от благополучия общества и государства в целом. От состоятельного человека ожидается забота об всех членах общества, на него возлагается особая ответственность. В этом проявляется соборность русского самосознания, приоритет общественных интересов, при условии внимания к интересам каждого человека.

Богатство нередко получало негативную оценку в русской культуре. Такие пословицы, как «Бога хвалим, Христа величаем, богатого богатыню проклинаяем», «Богатому сладко естся, да плохо спится. Без денег сон крепче», «Богатство спеси сродни», «Богатый совести не купит, а свою погубляет», «Через золото слезы льются», показывают, что в русском самосознании сформировалось отношение к богатству, несходное с западным преклонением: оно вызывало недоверие. К богатству и его носителю отношение нередко было негативным.

Вместе с тем русская культура не видела идеала и в крайней бедности и аскезе. Человек, который не в состоянии был содержать себя и свою семью, не пользовался уважением. Наряду с такими пословицами, как «Бедность – святое дело», «Богат, да крив; беден, да прям», «Богатый бедному дивится, чем он живится? Ан бог помог», «Где голь берет? – Голи бог дает», утверждающими нравственный приоритет бедности, ее богоугодность, – существуют и те, которые показывают отрицательное отношение к бедности, нищете, особенно порожденной бездельем. Например: «Бедность не по-

рок, а вдвое хуже», «Богат, да крив; беден, да прям», «Бедность не грех, а до греха доводит». Русское мировоззрение не противопоставляет духовность и благополучие в отличие от восточных, призывающих к отрешению от материального мира и уходу в нирвану. Благополучие, достаток, нажитый собственным трудом, признается ценностью и необходимостью для жизни.

Для большинства малосостоятельных людей в Древней Руси понятие счастья оставалось близким к понятию «благополучие», оно выражалось в достижении хозяйственного изобилия и в избавлении от непосильных трудов. Отражение таких утопических представлений отражено в светском сочинении XVII в., названном «Сказание о роскошном житии и веселии». В нем рассказывается о далекой стране, где царят беззаботность и полнейшее изобилие, где можно ничего не делать, только веселиться [5. С. 591-593, 778-779]. Представления о счастье/благополучии у русского народа находят выражение в благопожеланиях родителей детям, зафиксированных в духовных грамотах – завещании детям. В одной из таких грамот мелкий дворянин Иван Голова Соловцов очерчивает круг тех основных компонентов, которые, вместе взятые, представляют собой благополучную судьбу дворянина, о которой каждый может лишь мечтать. Он молит Бога даровать его сыновьям такие жизненные блага: 1) в первую очередь, как самое главное – «душевное спасение» и «телесное здравие»; 2) «в царских светлостях (т. е. покаях) водворится, к царскому лицу предстоити и от царя быть в велицей милости», поскольку достижение более высокого и престижного социального статуса, имеющего ценность в глазах общества, человеку, находящемуся в более низкой социальной позиции, представлялось счастьем; 3) «возвеличь, Господи, имя их, и сыны их, и сыны сынов их, и возвыси, Господи, род их в роде и род до века», иначе говоря, продолжение рода, но не простое, а в лице великих и славных потомков желается отцом сыновьям; 4) «на бранях противу иноверных мужество, и храбрость, и крепость и в воинстве – одоление врага». Здесь речь идет, так сказать, о профессиональных качествах дворянина-воина, которые помогут ему снискать славу; 5) «умножи, Господи, им и распростири села их, да разбогатеют дома их рабы и рабынями и скоты всякими». 6) «дай же им, Господи, в живот (т. е. жизнь) их вся красная (т. е. прекрасное) мира сего восприятие. Примечательно это пожелание, говорящее о восприимчивости к красоте мира как к необходимой компоненте счастливой жизни; 7) отец желает сыновьям иметь в дни скорби «душеполезный разум и терпение», чтобы не впали они в отчаяние – в один из самых тяжелых грехов; 8) последнее пожелание – успеть перед смертью принять покаяние, ибо одно из божьих наказаний – внезапная смерть, при которой человек не успевает покаяться перед духовным отцом, и его душа вступает в новую жизнь с грузом земных грехов [6]. Необходимо констатировать, что идеал благополучной жизни русских людей практически слово в слово совпадает с представлениями эллинов (наличие семьи, определенной собственности, служба родному полису, естественная смерть и общественные почести). Другими словами, люди, жившие в разных краях Земли, во все времена стремились к благополучию и счастью, ставя на первое место практически одинаковые ценности.

С точки зрения религиозной культуры земное счастье призрачно и мимолетно, погоня за ним в забвении о спасении души может обернуться вечным несчастьем. Истинное счастье – в служении и угождении Богу, в восхищении святостью и в надежде на вечное спасение. Не забывая о хлебе насущном, нужно помнить о духовном смысле жизни. Не забывая о личном благе, нужно заботиться о благе ближнего, благе общества и Отчизны. Православие, под влиянием которого формировалось русское национальное самосознание, исходит из тезиса о том, что человеческое бытие пронизано материальным и духовным, оно не может исключить то или другое. Для русского человека поэтому, свойственно сочетание и стремление к духовному идеалу, и к материальному благу, и к собственному благополучию, и к развитию общества.

Ни одна, даже самая развитая национальная культура, не формируется и не существует вне влияния, вне усвоения определенных элементов опыта других культур. Самобытная русская культура во всех проявлениях – художественном, философском – развивалась с первых веков своего формирования в тесных связях с другими культурами, трансформируя их достижения применительно к собственным особенностям и духовным потребностям. Античность не была чем-то инородным в системе русской культуры, в самом начале своего пути получившей мощный толчок из Византии, переняв от неё христианство.

В результате крещения Руси явилось широкое приобщение ее и к греческой культуре во всем ее разнообразии. По мнению Н.В. Шишовой, русское православие по своему происхождению представляет взаимодействие трех сил: греческой веры, принесенной монахами и священниками Византии, славянского язычества и русского народного характера, который по-своему принял византийское православие и переработал его в своем духе [7].

Философия гедонизма, основанная Аристиппом еще до нашей эры и трактующая счастье как удовольствие, неоднократно трансформируясь, дожила до наших дней и значительно повлияла на культуру потребления. Мы посчитали интересным сравнить представления о благополучии и счастье, объективированные в русском фольклоре, с представлениями наших современников. 85 респондентов отвечали на вопрос: «Как вы представляете себе, что такое счастье, благополучие?». Их ответы были рассмотрены соответственно позициям, представленным в словарях пословиц и поговорок русского народа (раздел «счастье») [8].

Словарь В.И. Даля фиксирует наиболее ранний пласт представлений крестьянской общины о счастье, основанных на традиции и составляющих культурное ядро этноса. Понятия счастье-удача и счастье-благополучие – это результат обезличенной оценки внешних жизненных обстоятельств человека сторонним наблюдателем, оценки, лишенной рефлексии и интроспективности: *без счастья в лес по грибы не ходи; счастье пытать – деньги терять; дурак спит, а счастье в головах лежит; счастье в оглобли не впряжешь*.

Только некоторые пословицы допускают двойное толкование счастья как удачи/благополучия и счастья-блаженства: *где нет доли, тут и счастье невелико; всяк своего счастья кузнец; счастье искать – от него бежать; счастье дороже ума и богатства; счастливым быть – всем досадить; кто нужды не видал – счастья не знает и др.*

В словаре В.И. Даля нет тематического раздела, включающего понятие счастья как душевного состояния. Наши же респонденты в большинстве своем определяют счастье именно через категорию состояния души: *счастье – приятное состояние души; комфортное состояние, покой; это состояние души, которое зависит от настроения; счастье – это субъективное состояние спокойствия и гармонии с самой собой и миром; это когда душа радуется; счастье – это душевная радость, отсутствие забот*. Подобное настороженно-оборонительное отношение к счастью – следствие определенных личностных качеств человека: его чрезмерное упование на судьбу. Такой тип понимания счастья можно определить так: счастье – это отсутствие несчастий. Стратегия такого типа счастья ориентирована не на то, чего нет, но что хотелось бы иметь, а на то, что есть и чем уже реально обладаешь.

В словаре В.П. Аникина приведены пословицы, указывающие на оптимальные способы достижения счастья: чтобы стать счастливым, нужно, прежде всего трудиться: *счастье у каждого под мозолями лежит; кто запашил, тот и счастлив; там счастье не диво, где трудятся нелениво; паши нелениво – проживешь счастливо; каждый человек кузнец своего счастья*. Работа, приносящая удовлетворение и характеризующаяся увлеченностью выполняемым видом деятельности, является весомым фактором счастья.

Ответы наших молодых современниц демонстрируют иное представление: *счастье – это ничего не делать; это когда не нужно ни о чем беспокоиться, у тебя все есть; счастье – это жить на необитаемом острове с телевизором и компьютером; счастье – это безмятежность и покой; это когда тебя не трогают и т. д.* Налицо гедонистический принцип чувственных удовольствий как основы счастья, который, по наблюдениям И.А. Джидарьян, В.А. Сибирева и Н.А. Головина [8], получил сегодня в российском обществе большое распространение. Вероятно, это можно объяснить рядом социальных причин, среди которых не последнее место занимает кризисное состояние общественных нравов, недостаток внимания к морально-этическому воспитанию молодежи. Гедонистический принцип заложен в естественном, «будничном» счастье, в повседневных радостях, связанных с самореализацией, с возможностью делать любимое дело, наслаждаться красотой окружающего мира. Гедонистическое понимание счастья может трактоваться либо как жизнь удовольствиями, либо как жизнь с удовольствием.

В русском фольклоре источник счастья усматривается в коллективизме, в дружбе, в необходимости держаться ближе к людям: *к людям ближе – счастье крепче; кто дружбу водит, счастье находит; гость на порог – счастье в дом*.

Большой пласт ответов опрошенных показывает, что многие находят счастье в общении и взаимопонимании: *счастье – это радость общения; это когда ты не чувствуешь себя одиноким; счастье – это когда между людьми взаимопонимание, обмен искорками; это когда тебя понимают; когда ты понимаешь и тебя понимают; счастье – это когда полон дом друзей; когда рядом находятся любимые люди, семья, друзья*.

Поскольку эти ответы давали девушки и молодые женщины, неудивительно, что подавляющее их большинство не представляют счастья без семьи: *счастье – это крепкая семья; это когда роди-*

тели рядом с тобой; это семья, и чтоб никто не болел; счастье – это хорошая семья, любовь; это когда близкие люди рядом; когда мир в семье.

И, конечно же, большое число респондентов не мыслит счастья без любви; правда, кто-то хочет, чтоб его любили: *счастье – это когда тебя любят; это когда тебя любят и дают все то, что ты хочешь; это когда тебе хорошо с тем, кто тебе дорог; когда ты кому-то нужен; кто-то мечтает о том, что бы самому полюбить: счастье – это когда ты любишь; когда люди находят друг друга; когда ты любишь и тебя любят; т. е. романтические отношения включаются в число самых ярких переживаний в жизни, а их отсутствие расценивается как один из факторов, препятствующих счастью; кто-то понимает счастье как любовь в широком смысле слова: счастье – это любовь; это любовь к природе, людям, знаниям.*

В русском фольклоре также отмечается, что счастье – в свободе: *неволя счастья не дает.*

Для наших респондентов фактор свободы представляется как способ реализации собственной личности, как возможность самостоятельно выбирать свою судьбу: *счастье – это когда человек чувствует себя свободным; когда тебя не трогают; когда ты принадлежишь самой себе; когда есть возможность реализовать себя, как ты хочешь; это когда тебе не мешают.*

Кроме того, счастье – в молодости: *седина напала, счастье пропало.* Но с точки зрения житейских представлений, а также эмпирически подтвержденных фактов, оказывается, что пожилые люди часто бывают счастливее молодых.

Счастье – не гоняться за материальными благами: *счастье не в кошельке – счастье в руках; счастье лучше богатства; счастье дороже богатства; счастье за деньги не купишь; не в деньгах счастье;* Известно, что счастье не связано напрямую с материальным достатком, уровнем доходов – счастлив может быть и бедняк; миллионер же – напротив, несчастен.

Эту сентенцию разделяет небольшое количество опрошенных, напротив, довольно многие считают счастьем обладание материальными благами и деньгами: *счастье – это когда много денег; когда можешь приобрести все, что захочешь; когда ни в чем не испытываешь недостатка; это когда у тебя все есть; счастье – это когда есть деньги и хорошее настроение; счастье – это благополучие.*

Единственным и самым надежным источником счастья русский народ считает добродетель: *где правда, там и счастье; счастлив тот, у кого совесть спокойна; тому будет всегда счастливо, кто пишет нельстиво.* Добродетель неотделима от представлений о счастье как свободе от страданий тела и смятений души, где подчеркивается независимость счастья от материального достатка.

Из массива полученных нами ответов можно выделить только три, касающиеся добродетели: *счастье – это когда тебе не стыдно за твои поступки, что дает тебе внутреннее спокойствие; это согласие с Богом и самим собой; это принятый тобой жребий.*

Потребность смысла жизни присуща любому взрослому человеку, и каждый находит его сам. Наши респонденты, как носители обыденного сознания, смысл жизни находят главным образом в любви и заботе о близких: *счастье – это когда ты кому-то нужен; когда вокруг друзья, которым ты нужен и которые нужны тебе, и вы готовы друг другу помочь; счастье – это когда ты кому-то полезен, можешь дать добро.* Основной источник удовлетворенности и счастья для этого типа людей – наличие высокой общественно-значимой идеи и смысла. Возможность испытать счастье этого смысложизненного уровня предполагает способность идти на жертвы, лишения, что характерно для счастья эвдемонистического типа. Счастье и несчастье воспринимаются человеком как существующие рядом, а не включающие друг друга понятия, отрицательные и положительные переживания не столько находятся рядом, сколько сливаются воедино, поскольку лишения и страдания, которым человек себя подвергает, становятся одновременно и источником глубокого духовного очищения и радости.

Заключение. Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что системы ценностей, определяющих поведение человека, во многом совпадают у жителей индустриальной цивилизации и древних греков, но идеология благополучия и счастья при движении из века в век, из одной цивилизации – к другой, от фольклорного языкового сознания – к современному обыденному сознанию претерпевает некоторые изменения. Однако существует идея, объединяющая все цивилизации, все культуры, – идея общечеловеческого, помогающая сохранять духовные ценности, способствующая преемственности поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гомер. Одиссея. / пер. В.А. Жуковского; ст. и прим. В.Н. Ярхо; отв. ред. М.Л. Гаспаров. (Серия «Литературные памятники»). М.: Наука, 2000. 544 с.
2. Гесиод: Работы и дни, Теогония // Эллинские поэты. В пер. В.В. Вересаева / коллектив авторов. М., 1963. (Библиотека античной литературы)
3. Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты / изд. подгот. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1980.
4. Баженова М.А., Баженов А.А. Русские и немцы. Какие мы и какие они? Методы исследования национального характера. Саратов, 2009. С. 274.
5. Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М.: Худож. лит., 1969.
6. Духовная грамота Ивана Головы Соловцова 1594/95 // Сборник документов по истории СССР. Вып. 3 (XVI в.). М., 1972. С. 113. Впервые проанализирована В. Д. Назаровым.
7. Шишова Н.В., Акулич Т.В., Бойко М.И., Власова А.М. История и культурология. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2000. 456 с.
8. Тарасова Л.Е. Представления о счастье в фольклорном и обыденном сознании // Проблемы социальной психологии личности: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 2011. Вып. 9. С. 60-67.

Поступила в редакцию 21.09.16

L.E. Tarasova

SOCIAL NOTIONS ABOUT THE WELFARE IN THE DIALOGUE OF CIVILIZATIONS

This paper presents analysis of the notions of well-being and happiness of representatives of different civilizations from the point of view of the reflection of this phenomenon in connection with the cultural characteristics and way of life. It emphasizes the impossibility of reducing the content of these phenomena to the measurement of a formal "well-being" by indicators of economic development of the society. It is noted that the systems of values defining human behavior are largely the same in the ancient and industrial civilizations. The purpose of the article is to show that the notions of well-being and happiness as the highest expression of the level of well-being experienced in the subjective assessment of the individual are the basic feature of the human world view. This feature is incorporated in the life-purpose system of values of both modern people and people who lived a few thousand years ago.

Keywords: civilization, social notions, prosperity, happiness, artifacts of spiritual culture.

Тарасова Людмила Евгеньевна,
кандидат педагогических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
университет имени Н.Г. Чернышевского»
400028, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 10а
E-mail: let01@mail.ru

Tarasova L.E.,
Candidate of Pedagogy, Associate Professor
National Research Saratov State University
Volskaya st., 10a, Saratov, Russia, 400028
E-mail: let01@mail.ru